

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию

Межуева Степана Борисовича

«Советская теория деятельности в обществе имматериального труда»,
представленную на соискание ученой степени кандидата философских наук
по научной специальности 5.7.8. Философская антропология,
философия культуры (философские науки)

Характерную особенность современного состояния культуры вообще и философии, в частности, соискатель справедливо усматривает в разрыве с классическим наследием. Законодатели философских мод последних десятилетий характеризуют свои концепции как некое «пост-».

Своей целью С.Б. Межуев ставит выяснение генетической преемственности, кроющейся за демонстративным «отрицанием» классики в итальянском постопераизме (автономизме). Вполне одобряя предлагаемый им подход, я бы только поставил под сомнение уместность использования гегелевской категории «отрицания отрицания». Она описывает восхождение мысли на качественно более высокую ступень своего развития. Между тем, в диссертации не доказано, что «постмарксисты» в общем и целом превзошли своих предшественников-марксистов, не говоря уже о появлении новейших философских учений, сопоставимых с учением Маркса (при всей его исторической ограниченности, со всеми его концептуальными «несовершенствами» и проистекающими из них ошибочными историческими прогнозами).

Процесс «анархизации» марксизма в Италии, протекавший под сильным влиянием постмодернистской философии, напоминает не столько восходящее развитие «через гегелевское отрицание отрицания» (дис., стр. 4), сколько процесс «разложения рикардианской школы», описанный самим Марксом в третьем томе «Теорий прибавочной стоимости». Марксизм не избежал той же печальной участи.

Триггером, запустившим процесс разложения «старого» марксизма, как хорошо показывает С.Б. Межуев, стала кардинальная перемена в характере общественного производства: на авансцену истории вышел «имматериальный труд» (Маркс в Grundrisse дал ему более грамотное в философском плане наименование: «всеобщий труд»; этим-то термином как раз и воспользовались советские «философы культуры»). Как следствие, пролетариат стал терять ту роль авангардного общественного класса, которую он некогда, как верилось Марксу, имел. Ученый, инженер, программист – генератор знаний и технологий, носящий свое «средство производства» на шее, за последние полвека превратился из тонкой интеллигентской «прослойки» в наиболее перспективный общественный слой – если не новый класс. С этим «когнитариатом», как показано в диссертации, и связывают свои исторические надежды итальянские постопераисты.

Основной посыл диссертационного исследования заключается в том, что советская «философия культуры» и постопераизм взаимно дополняют друг друга, поскольку первая апеллирует к «централизованной власти», т.е. к правителям государства, а вторая стремится наладить «горизонтальную солидарность» между людьми труда.

Со своей стороны, С.Б. Межуев предлагает «объединить этатистские и анархистские элементы для создания более целостного марксистского подхода» (стр. 13). Завершая работу благим пожеланием «решать проблему освобождения труда, как используя потенциал власти, так и опираясь на деятельность просвещенных малых групп» (стр. 164).

Если в этом кроется суть искомой «гибридной модели», то что в ней, собственно говоря, нового? Того же самого желали и Маркс, и Ленин. Разве марксисты-ленинцы не занимались, притом весьма активно, «просвещением малых групп» рабочих и крестьян? Не ограничиваясь *малыми* группами, Маркс подчеркивал необходимость «самодеятельности»

(Selbsttätigkeit) самых широких масс трудящихся. Мировую коммуну, писал он, построит «народ, действующий сам и для самого себя» (das Volk, das selbst und für sich selbst handelt. – «Гражданская война во Франции»). Ровно то же самое Ленин именовал «живым творчеством масс».

Почему эти демократичные позывы основоположников марксизма по большому счету остались пустыми лозунгами? Вот где торчит гвоздь вопроса. И какова гарантия, что постопераистскую «горизонтальную солидарность» не постигнет та же печальная участь, что и «живое творчество масс» в странах соцлагеря?

Для ответа на этот вопрос приходится погружаться в *проблему государства*. Анархисты, от Бакунина до постопераистов, убеждены, что государство по природе своей – смертельный враг «горизонтальной солидарности». Тем более – современное государство, эта Империя с большой буквы.

С.Б. Межуев, обращаясь к этой теме в главе 4, уверяет читателя, что «имперский институт» *возможно* помирить с демократичным «множеством». Допустим. Тогда почему же они никак не могут прийти к мирному сосуществованию *на практике*, не говоря уже о произведении на свет жизнеспособного «гибрида»?

Прямого ответа на этот вопрос в диссертации мне обнаружить не удалось. Встретился лишь призыв «найти точки соприкосновения, в которых Империя и множество солидарны» (стр. 136). Видимо, автор полагает, что раньше люди просто плохо искали – тщательнее надо искать эти «точки». Полезно перечитать, например, труды советских «философов культуры», «стремившихся взаимодействовать с правительством, совместно улучшая жизнь в обществе» (там же). Ну, наверно, были у нас и такие философы. Хотелось бы поподробнее узнать о достигнутых ими успехах в части «взаимодействия с правительством».

На самом деле советский «гуманистический марксизм», от Л.С. Выготского до Э.В. Ильенкова и «философов культуры» (многие из которых, как В.С. Библер и В.М. Межуев, в свое время прошли школу Ильенкова) основной упор делал именно на «горизонтальную солидарность» и самоуправление народных масс. Как раз это и ценят в нашей философии многие западные марксисты и постмарксисты.

Так, Ильенков связывал «суть марксизма» с «действительным освоением *каждым индивидом* всего накопленного в рамках частной собственности (т.е. отчужденного от него) богатства» (курсив Ильенкова). А государство – в той же работе «Маркс и западный мир» – определялось им как «отчужденный образ всеобщности» и «олицетворение безличного организма, противостоящего каждому из составляющих его индивидов» – не делая исключения для родного социалистического Левиафана. Ну и государственные мужи, в свою очередь, Ильенкова, да и остальных марксистов-гуманистов, крепко недолюбливали. «Взаимодействие с правительством», по большей части, сводилось к цензуре и нагоняям от вышестоящих инстанций.

Вместе с тем – и этот тезис С.Б. Межуева мне хотелось бы всячески поддержать – обращение к лучшим образцам советского марксизма, особенно в режиме диалога с лучшими западными «постмарксистами» нашего времени, способно существенно углубить наше понимание процессов, наблюдаемых в современном обществе. В первую очередь – процессов, связанных с нарастающей доминацией «всеобщего труда» (термин «имматериальный» мне представляется неудачным, поскольку он оставляет за бортом *материальное* производство, как таковое).

В этом, прежде всего, мне видится ценность диссертационной работы С.Б. Межуева. Он совершенно верно ставит проблему и расставляет исследовательские акценты. Такие работы поддерживают, так

сказать, «священный огонь» культуры – замечательную традицию отечественной философской мысли.

Напоследок позволю себе сделать пару мелких критических замечаний. В диссертации дважды и в автореферате концепция «развивающего обучения» Д.Б. Эльконина и В.В. Давыдова названа концепцией «развивающего развития». Это, несомненно, досадная опечатка, так как в других местах фигурирует правильное название.

Соискатель неоднократно относит Grundrisse (Экономические рукописи 1857–1859 гг.) к «ранним работам Маркса». На самом деле, когда Маркс писал эти рукописи, ему исполнилось 40 лет – по греческим понятиям, акме. «Ранний Маркс» – это «Экономическо-философские рукописи 1844 г.» и всё остальное, что было написано до «Немецкой идеологии».

Разумеется, эти мелкие недочеты не снижают общей высокой оценки проделанной соискателем исследовательской работы. С.Б. Межуев демонстрирует хорошее знакомство с современной литературой не только по «узкой» теме исследования и даже не только по философской проблематике, но и в области психологии, педагогики, общей социологии.

Ясный стиль изложения и качество аргументации свидетельствуют, что перед нами – уже сложившийся исследователь со своей продуманной научной позицией.

На основании вышесказанного я, как официальный оппонент, полагаю, что диссертационная работа С.Б. Межуева выполнена на достаточном теоретическом уровне, обладает выраженными признаками новизны и может быть практически использована для разработки учебных курсов по философской антропологии, философии культуры и истории отечественной философии.

Степень достоверности полученных результатов и обоснованность выводов не вызывает сомнений. Положения автореферата соответствуют

тексту и структуре работы, а указанные в нем публикации С.Б. Межуева в достаточно полной мере отражают содержание работы. Диссертация «Советская теория деятельности в обществе имматериального труда» отвечает квалификационным требованиям, предъявляемым ВАК РФ к кандидатским диссертациям. В диссертационном исследовании разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как решение научной задачи, имеющей значение для развития философской антропологии и философии культуры, – что соответствует требованиям пунктов 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней» утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842 «О порядке присуждения ученых степеней» (с изм. и дополн.).

Автор диссертации «Советская теория деятельности в обществе имматериального труда», Межуев Степан Борисович, заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата философских наук по специальности 5.7.8. Философская антропология, философия культуры (философские науки).

Официальный оппонент –
доктор философских наук,
профессор кафедры философии и
теологии, ФГАОУ ВПО «Белгородский
национальный государственный
исследовательский университет»

<https://bsuedu.ru>
Россия, 308015, г. Белгород,
ул. Победы, 85
Тел. +7 (4722) 30-12-11

А.Д. Майданский

15 мая 2025 г.

